

Начальник евнухов рухнул на землю, и свитки с именами слуг из всех дворцов с глухим стуком рассыпались, раскатившись по камням.

Чжоу Це поспешно наклонился и подхватил старика под локоть, помогая подняться. В его голосе звучало притворное беспокойство:

— Господин начальник, что с вами? Отчего вдруг такая резь в животе?

— Сам... сам не ведаю... — едва выдавил тот, кривясь от боли. — Быть может... позвольте мне отдохнуть? Давайте завтра... завтра заглянем в Восточный дворец, а?

Чжоу Це перевел взгляд на массивные ворота Восточного дворца. В душе его шевельнулось подозрение: только что этот старый лис был бодр и полон сил, а стоило им подойти к резиденции наследного принца на пятьдесят шагов, как он свалился замертво.

Случайность? Или же намеренная игра, чтобы оттянуть время и не дать сверить списки именно здесь? Неужто покойник из пруда принадлежал к свите наследного принца?

Стража у ворот уже заметила неладное. Один из гвардейцев скорым шагом подошел к ним и сухо осведомился:

— С чем пожаловали, господа? Его Высочество наследный принц занемог и почивает, он не принимает посетителей.

Начальник евнухов поспешно замахал руками:

— Пустое, ничего важного...

«Как подозрительно, — отметил про себя Чжоу Це. — Только что слова выговорить не мог, а теперь заговорил на диво резво. Да и взгляд, которым он косится на труп у пруда, вовсе не случаен».

Чжоу Це внезапно разжал руки. Начальник евнухов, лишившись опоры, не упал, а напротив — твердо замер на ногах, даже забыв прижать ладони к «больному» животу.

Чжоу Це усмехнулся, в его голосе прозвучала холодная ирония:

— Что же вы, господин начальник? Резь так быстро прошла?

Старик охнул и тут же попытался картинно завалиться набок, но Чжоу Це железной хваткой вцепился в его плечо.

— Полноте, — бросил он с нескрываемым презрением. — Вы уже выдали себя, не стоит продолжать этот спектакль.

Развернувшись к стражнику, Чжоу Це отчеканил:

— Я — Дали-сы цин Чжоу Це. У меня приказ императора расследовать дело о покушении на Его Высочество. Немедленно соберите всех слуг Восточного дворца для опознания и сверки имен.

Гвардеец вздрогнул, но ответил твердо:

— Я не вправе решать такие вопросы. Позвольте мне испросить дозволения у Его Высочества.

— Принц болен, — попытался остановить его Чжоу Це, — не стоит тревожить его сон.

Однако стражник, поколебавшись мгновение, все же ушел с докладом. Чжоу Це понимал, что промедление смерти подобно, и, подхватив рассыпанные свитки, хотел было последовать за ним, но путь ему преградил строй молчаливых гвардейцев.

Спустя томительную паузу стражник вернулся.

— Его Высочество дозволяет господину Чжоу провести проверку.

Чжоу Це на миг опешил.

«Неужели я ошибся? — пронеслось в голове. — И покойник никак не связан с Восточным дворцом?»

Он оглянулся на начальника евнухов, который, все еще делая вид, что страдает, поплелся следом.

— Живее, — прохрипел старик, обращаясь к гвардейцу. — Созывайте всех, не заставляйте господина Чжоу ждать.

Вскоре перед Дали-сы цингом выстроились пятнадцать евнухов Восточного дворца. Чжоу Це развернул свитки и принялся тщательно сверять каждого — лицо к лицу, имя к имени. Ни одного расхождения. Все на месте.

Начальник евнухов заканючил:

— Сил моих больше нет... Господин Чжоу, позвольте мне откланяться и прилечь. Далее уж вы сами.

Чжоу Це велел двоим помощникам забрать свитки и продолжить обход. Они проверили дворцы третьего принца Янь Ци и четвертого — Янь Хуаня, обыскали Бюро вооружения (Бинчжан-цзюй), Бюро серебряных изделий (Иньцзо-цзюй) и даже Бюро стирки (Хуанги-цзюй). Не забыли и про холодный дворец.

К тому времени, как на небо взошла луна, а звезды рассыпались по небосводу, Чжоу Це не нашел ни одной зацепки. В списках значилась тысяча триста двадцать один евнух. За последнее время одиннадцать были забиты палками за провинности, один скончался от хвори. Чжоу Це проверил и их: у казненных на телах остались характерные следы, а умерший от болезни был тучен, что в корне не вязалось с обликом утопленника.

Так кем же был этот человек?

Поскольку Чжоу Це был внешним чиновником, он не мог оставаться в чертогах императора на ночь. Он поспешил к выходу, но у самых ворот его настиг чей-то тревожный окрик:

— Господин Чжоу, постойте!

Это был уцзо Ван. Задыхаясь от бега, он отвел Чжоу Це в тень стены и, отирая пот со лба, прошептал:

— Я провел повторное вскрытие. На сей раз смотрел в оба. Этот несчастный... его оскопили уже после смерти.

Чжоу Це замер. Увидев на теле утопленника синее одеяние слуги и обнаружив увечье, он сразу решил, что перед ним дворцовый евнух. Эта первая ошибка заставила его весь день впустую носиться по дворцам, сверяя списки.

Убит, затем кастрирован, лицо изуродовано до неузнаваемости...

В голове главы Дали-сы крутились две версии. Первая: списки дворца Фуюй — ложь, Янь Сюнь в сговоре с начальником евнухов, и двое слуг на самом деле мертвы. Но в этой теории был изъян: ни Янь Сюнь, ни Сяо Юэбай не были глупцами. Зачем убивать свидетеля и оставлять на нем жетон дворца Фуюй? Вторая версия: всё это — грубая подстава. Труп подбросили в пруд, чтобы очернить Второго принца. В этом случае жетон как раз служил главной уликой, а изуродованное лицо лишь добавляло веса вине Янь Сюня. Если бы принц хотел скрыть концы в воде, он бы непременно лишил жертву имени.

— Тело пробыло в воде больше двух дней, — продолжал уцзо, прерывая его размышления. — Плоть разбухла, потому я и не признал подвоха сразу.

— А причина смерти? — сухо спросил Чжоу Це, нахмурившись.

— Тяжелая травма затылка. Его ударили чем-то массивным.

Распрощавшись с уцзо, Чжоу Це помчался в Дали-сы. Едва соскочив с коня, он бросился в тайную комнату, где под охраной хранились улики: Ваза Мэйпин с небесно-голубой глазурью и белым бамбуковым узором и флакон из белого фарфора.

Двое верных людей доложили, что за день ничего подозрительного не случилось. Чжоу Це кивнул и, пройдя внутрь, еще раз сравнил два вида порошка. Всё верно. Сомнений быть не могло.

***

Тем временем во дворце Фуюй Сяо Юэбай и Янь Сюнь закончили ужинать. Вечер был тихим, и принц, как капризный ребенок, привязался к Сяо с просьбой поиграть ему на цине.

Канцлер Сяо не нашел в себе сил отказать.

Сяо Юэбай был мастером во всем: в каллиграфии, в живописи, а в игре в го ему и вовсе не было равных в Поднебесной. Но вот музыка... музыка определенно не входила в число его талантов.

Залитый лунным светом, Сяо Юэбай казался сошедшим с небес бессмертным. Его черты в серебристом сиянии обрели неземную красоту, а сам он выглядел столь одухотворенно, что, казалось, вот-вот растворится в ночном воздухе. Но стоило его тонким пальцам коснуться струн, как всё очарование мгновенно испарилось.

Янь Сюнь как раз отхлебнул чай Дахунпао, когда в его уши ворвалась серия душераздирающих, скрежещущих звуков. Принц замер, не зная, то ли проглотить напиток, то ли выплюнуть его обратно. Он изо всех сил старался сохранить невозмутимое лицо, боясь обидеть своего «учителя», но природа взяла свое.

С трудом проглотив чай, Янь Сюнь не выдержал и расхохотался. Он смеялся так искренне и сильно, что на глазах выступили слезы.

— Учитель... — простонал он сквозь смех. — Ваша музыка, право слово, совсем не вяжется с вашим обликом.

Сяо Юэбай прижал ладонь к дрожащим струнам. Глядя на заливающегося смехом юношу, он

не выказал ни тени смущения. Напротив, на его губах заиграла мягкая, едва заметная улыбка.

— Прошу прощения за это... жалкое зрелище.

<http://bllate.org/book/17467/1697972>